
ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ ТРАДИЦИОННОЙ КОЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Б.Д. Жумакаева

Кафедра экономики и общественных дисциплин
Международная Академия бизнеса
ул. Розыбакиева, 227, Алматы, Казахстан, 050060

В статье рассматривается проблема исследования функциональных характеристик этического основания и определение адекватной современному обществу структуры ценностей и норм, характеризующих политическое поведение. Анализ этического основания предполагает первоначально исследование специфики социокультурных основ казахстанского общества. Этические основания реализуются специальными инструментами — *ценностными ориентациями* и *моральными нормами*. Исследование основ кочевой культуры и последующей за ней культуры советской дает автору право считать что ни традиционная этика, ни коммунизм уже не могут выступать фундаментальным этическим основанием политического поведения субъекта демократического нового общества. Этическое основание политического поведения должно соответствовать национальному характеру и должно учитывать сложившуюся структуру организации казахстанского общества.

Ключевые слова: Казахстан, политическое поведение, ценности, этика.

Задачами, которые решаются в данной статье, являются исследование функциональных характеристик этического основания и определение адекватной современному обществу структуры ценностей и норм, характеризующих политическое поведение. Анализ этического основания предполагает первоначально исследование специфики социокультурных основ казахстанского общества. Именно они лежат в основе всего комплекса этических оснований политического поведения.

Этические основания предопределены поведенческими особенностями, однако, сложившись, они поддерживают устоявшиеся поведенческие образцы. Поэтому при утрате этических ориентиров наблюдается изменение поведения субъектов политического процесса. В этой связи более жесткими элементами поведенческой системы выступают основания и конструкции не социальные, а этические.

Одним из важнейших оснований взаимодействия является *мораль*, которая, как отмечает В.М. Соколов, вызревает из «общественной потребности регламентировать поведение людей в часто повторяющейся ситуации. Такой часто повторяющейся ситуацией является массовый способ хозяйственной деятельности, который обуславливает формирование стереотипов поведения, на основе которых возникает определенные ограничения поведения. Поведенческая регламентация нуждается в поддержке моральной регуляции» [7. С. 15]. Именно моральные нормы закрепляют образцы поведения людей, поведенческая установка превращается в моральную норму, когда возникает необходимость превратить *сложившийся* способ поведения в *должный* способ поведения. Нормы должного способа поведения и обеспечивают возникновение «этики группового взаимодействия», т.е. морали, регламентирующей групповые взаимодействия.

Однако мораль нуждается в опоре на общепринятые идеи как мыслительные способы мировосприятия и политические институты, обеспечивающие функционирование моральных норм. Поэтому систематизация морали и обоснование ее норм обеспечивается этическими концепциями, например, конфуцианства, христианства, мусульманства, коммунизма и т.п. Соответственно, функционирующая мораль предполагает наличие институтов, необходимых для ее реализации, — семья, церковь, школа, а также в определенном смысле партия, государство и др. институты. Таким образом, функционирование морали обеспечивает следующие основные элементы политического поведения:

- во-первых, этика группового взаимодействия, представляющая собой развитие поведенческих норм;
- во-вторых, этические концепции;
- в-третьих, институциональные средства.

Названные элементы работают как система, как *этические основания* политического поведения, которые задает субъекту, принадлежащему к определенной общности, моральные ориентиры, представляющие собой *структуру норм и ценностей*.

Основные функции этических оснований состоят в обеспечении адекватной взаимосвязи целей общества и субъекта, а также в устранении противоречий между поведенческим и управленческим влиянием, посредством создания целостного комплекса норм и институтов, реализующих функционирование этих норм.

Этические основания реализуются специальными инструментами: *ценностными ориентациями и моральными нормами*. Рассмотрим дефиниции этих понятий, опираясь на сложившиеся в науке определения. Так, под ценностными ориентациями понимаются цели и идеалы, побуждающие субъекта к действию. По своему характеру ценностные ориентации имеют две особенности: с одной стороны, достижение целей и идеалов связано с удовлетворением субъектом его потребностей; с другой, эти ценности предлагаются субъекту культурой, обществом, тем самым они направляют его на осуществление общественных интересов через реализацию личных потребностей [4. С. 732]. Моральные нормы являются образцом, правилом, принципом деятельности, обеспечивающими согласованность действий субъектов и упорядоченность, устойчивость общества [6. С. 119].

М. Вебер и А. Маслоу дали подробное описание этических оснований западных обществ. Они описали и нравственную парадигму этого общества, определяющую для западного человека ориентир, его стремление к достижению, реализации своего призвания [3. С. 94]. Само это стремление должно реализовываться поэтапно, в движении от удовлетворения «низших» потребностей к «высшим». Чем прочнее «стартовая платформа» субъекта, тем выше уровень удовлетворенных потребностей вначале и тем большего может достичь субъект, тем более он устойчив к депривации. Так, А. Маслоу отмечает, что «степень индивидуальной устойчивости к депривации той или иной потребности зависит от полноты и регулярности удовлетворения этой потребности в прошлом» [5. С. 104].

Согласно А. Маслоу, субъект должен поэтапно в меру удовлетворять все потребности самосохранения и только тогда, когда они будут удовлетворены, можно приступить к самоактуализации. Если оказалась нарушенной одна из потребностей

самосохранения, то самоактуализация оказывается невозможной. Западная протестантская этика, послужившая фундаментом современного западного общества, предполагает дать свободу политическим действиям отдельных субъектов.

Западные этические нормы, западная этика в той мере деспотична по отношению к индивиду, в какой мере свободной оказывается плюралистическая форма политического управления. С момента вхождения в общество, в процессе социализации западный человек оказывается под этическим прессингом. Для основной массы западных субъектов нравственный регламент не является тяжелым, он привычен. В тех случаях, когда активность субъекта вступает в противоречие с этическими нормами, на помощь приходит психоаналитик.

Психоанализ является сугубо западным феноменом. Задача психоаналитика не допустить неврозов, психических нарушений. В итоге формируется высокодисциплинированная личность, способная эффективно выполнять свое предназначение.

Этический строй казаха определяется *внутренним* законом, а не жестко заданным регламентом. Закон, не принуждающий и обуславливающий, а задающий общий принцип поиска, в большей мере соответствует импульсивному характеру казахстанцев.

В основании двух различных способов этических оснований политического поведения западного и казахстанского субъектов лежат ответы на вызов среды: мы *коллективно* осваивали пространство, Запад обустроивался и определял *индивидуальную независимость*. Поэтому целью развития и отдельного субъекта, и общества в целом в западной культуре является *свобода* или расширение прав человека. Напротив, в тесном родовом, коллективном взаимодействии невозможно создать оговоренные, однозначно понимаемые правила, а значит, взаимодействие должно быть построено не на четко регламентированных правилах, а на следовании образцу поведения, заданному лидером. В казахском роде действует принцип «зависимости от рода», что противоположно западной независимости. Зависимость от рода — зависимость от принципа «будь, как все». Она выразилась в создании иерархии, построенной на статусных ролях, внутривидовой системе контроля и репрессиях по отношению к отдельному человеку.

Без сомнения, в западных коллективах также складывалась иерархическая система статусных ролей. Статус западного индивида определяется степенью свободы и независимости от других. Поэтому критерий статуса, показатель статуса один — богатство. Человек в казахстанском обществе зависим в большинстве своем от мнения коллектива и общества. И именно коллектив определяет статус субъекта. Независимый от коллектива казахстанец превращается в маргинала. Понятие «свобода» не выступает символом развития ни общества, ни человека в нашем социуме.

В понимании свободы присутствует независимость, освобождение от ответственности и обязанностей, что является общим и для западного понимания свободы. *Свободное* поведение западного субъекта проявляется там, где его действия не регламентированы, так как «то, что не запрещено — разрешено». Если же взаи-

модействие оговорено, то западный человек дисциплинированно следует правилу. Для того чтобы иметь высокий статус на Западе, достаточно быть богатым, так как богатство является предпосылкой статуса. Успех субъекта на Западе строится:

— во-первых, на частной инициативе, характеризуемой методичным следованием писаным нормам: правовым, моральным, техническим и др.;

— во-вторых, предприимчивостью там, где «не запрещено»;

— в-третьих, рекламированием себя, оригинальностью, демонстрацией своей индивидуальности. В Казахстане чаще всего богатство является следствием статуса, умением быть как все. Человек может приобрести богатство и даже может купить себе статус, но он его не сохранит, если у него отсутствует чувство коллективизма. Только совершенствуя в себе чувство коллектива, субъект достигает статуса лидера, и тогда его действия превращаются в стандарты и образцы поведения. Такой человек становится «законодателем мод», естественно, до тех пор, пока чувство коллектива ему не изменит.

Нашему обществу более свойственна *этика убеждения*, отличающаяся от *этики ответственности*, характерной для западного человека. «Если для *этики ответственности* исходным является учет сложившегося положения дел, стратегия поведения, т.е. должное, которое дедуктивным образом выводится из положения субъекта в этом мире, то для *этики убеждения* исходным является императив действия, когда от субъекта требуется лишь следование этому императиву, невзирая на обстоятельства» [2. С. 5].

За любое поведение, позитивное или негативное, казахи несли всегда родовую ответственность, что и определило иное, нежели на Западе, чувство ответственности. Социальная динамика дореволюционного Казахстана, когда поведение казахов в наибольшей мере определялось традиционным кочевым этическим строем, показывает сохраняющееся в той или иной форме хозяйственное, общественное идеологическое единство. Интересной в этом плане является работа Ж.О. Артыкбаева, который показывает *соотносимость этических концепций казахов традиционного языческого верования, мусульманства и царской политики христианизации*. Ученый считает, что исторический тип хозяйственной деятельности предполагает и обеспечивается соответствующей ей определенной хозяйственной этикой. «Основной интегрирующей линией является традиция генеалогического родства, она же служит идеологическим обоснованием существующих социальных отношений. Основной причиной возникновения союзов различных уровней являются хозяйственные интересы. Между тем кровнородственные принципы неизменно сохраняются в низших ячейках общества в — патронимиях. Патронимии представляют коллективы близких родственников, связанных общностью хозяйственных, обрядовых, территориальных интересов. Именно в патронимии кочевник находит защиту, помощь, она играет важную роль в социализации личности, гарантирует жизнеобеспечение не только отдельного человека, но и семьи в целом» [1. С. 185—186].

Ученый полагает, что *этика традиционной кочевой культуры* обуславливалась ограниченной эффективностью хозяйственной деятельности человека, т.к. в те

времена рост производительности вел к исчерпанию ресурсных возможностей ландшафта. В этом заключается одна из причин потребности в том, чтобы социальная дифференциация соответствовала способу производства и была стабильна. Изменение социальной дифференциации за счет роста богатства вело к дезинтеграции и нарушению стабильности общества. Поэтому в традиционном обществе социальная дифференциация должна быть неизменна и этически оправдана. Отсюда нормой традиционной эпохи является моральная установка — «каждому свое предназначение». «Место» человека, его «судьба» в этом мире обосновывается общей экзистенциальной целью, которая исключает социальную мобильность.

В дальнейшем новая индустриальная эпоха привнесла свои ценности. С ростом производительности большинство субъектов, а не отдельные, как прежде, оказались в состоянии увеличить свое богатство. С другой стороны, возникла необходимость и в социальной мобильности, так как рынок рабочей силы требовал горизонтальной мобильности, а потребность в производительности предполагала вертикальную мобильность. Этические концепции традиционной кочевой эпохи не соответствовали новым требованиям нарождающегося индустриального общества.

Сравнение этических оснований кочевого и индустриального общества являются по сути сравнением двух этических концепций разных исторических эпох.

Результатом осмысления этих идей являются выводы автора о том, что в Казахстане после революции возникла хозяйственная этика, адекватная требованиям перехода к индустриализму и обусловленная исторической необходимостью, перед которой в то время оказались все Советские республики. Фундаментальной основой этой этики стала идеология коммунизма, совместившая в себе принципы коллективной кочевой этики коллективного поведения и советского понимания марксизма.

Таким образом, исследования этических основ состояния советской системы, продолжающих существовать сегодня в нашем обществе, показывают, что поведение постсоветского человека в значительной мере определялось сложившейся структурой ценностей и норм коммунистической этики. В настоящее время нет оснований утверждать, что казахстанцы ориентированы действующим в обществе этическим строем. В условиях глобального развития и информационных технологий ни традиционная этика, ни коммунизм уже не могут выступать фундаментальным этическим основанием политического поведения субъекта демократического нового общества.

Более того, обе концепции являются разрушенными и по этой причине также не могут служить основой для эволюционного рождения нового этического основания поведения, которое должно отвечать следующим требованиям:

— во-первых, это этическое основание политического поведения должно соответствовать национальному характеру, а значит, быть выражением коллективизма;

— во-вторых, должно учитывать сложившуюся структуру организации казахстанского общества;

— в-третьих, предполагать возможность индивидуального обогащения и использовать этот ресурс на благо общества, что соответствует этике индустриального государства, не реализованное в советский период;

— в-четвертых, соответствовать требованиям информационной эпохи, которая несет опасность деструкции, системой манипуляции и хаотичной информации.

Требования информационной эпохи человечеством еще до конца не осознаны и, как следствие, этика этой эпохи еще находится в зачаточном состоянии и на Западе, и, тем более, на постсоветском пространстве. В этом плане особенно важно было исследовать функционирующее этическое основание политического поведения как составляющего элемента демократически развивающего общества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Артыкбаев Ж.О.* Казахское общество: традиции и инновации. — Караганда, 1993.
- [2] *Байдельдинов Л.А.* Проблема субъектности политической практики // Евразийское общество. — 2000. — № 4(32).
- [3] *Вебер М.* Избранные произведения. — М., 1990.
- [4] *Здравомыслов А.Г.* Ценностные ориентации // *Философский энциклопедический словарь* / Под ред. С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. — М., 1989.
- [5] *Маслоу А.* Мотивация личности. — М., 1999.
- [6] *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура // *Социс.* — 1992. — № 2.
- [7] *Соколов В.М.* Социология нравственного развития личности. — М., 1986.

ETHICAL NORMS OF TRADITIONAL NOMADIC CULTURE AS BASES FOR POLITICAL BEHAVIOR

B.D. Zhumakayeva

The Department of Economics and Social Disciplines
International Academy of Business
Rozibakieva str., 227, Almaty, Kazakhstan, 050060

This paper examines ethical bases for the national political behavior in the context of Kazakhstan. The author contends that in contrast to the Western emphasis on compliance with specified rules, the local culture outlines acceptable standards of behavior as defined by the tribe and demonstrated by its leader. The notion of freedom in Kazakh culture is not perceived as a symbol of progress neither for the individual nor the society as a whole.

Only by cultivating a sense of community, leader's actions would be viewed as standards to follow. So the collective nature of Kazakh nomadic-age ethics was congruent with Soviet interpretation of Marxism, which accounted for their convergence in the Soviet age. However, as the paper argues these moral bases ceased to reflect the reality of present-day Kazakhstan, which urges reconsidering its ethical norms for political behavior to be grounded on the new societal organization, national character, pursuit of individual wealth as a factor of progress, and the global information age.

Key words: Kazakhstan, political behavior, values, ethic.